

Дела Портовой мафии шли в гору, так что жалованью Чуи Накахары простой обыватель мог лишь позавидовать. О его баснословных доходах красноречиво говорили просторный особняк и шкаф, ломящийся от коллекционных, безумно дорогих вин.

Чуя без лишних церемоний притащил Сюдзи Цусиму за шкурку в ванную — приводить себя в божеский вид. Парнишке даже перепали кое-какие вещи, оставшиеся со времён, когда здесь гостил Ацуши Накадзима.

Правда, на Сюдзи они сидели как просторная пижама, которая, к счастью, хотя бы не волочилась по полу.

— То есть когда ты его встретил, он уже был в таком состоянии?

Сюдзи спросил об этом с неподдельным любопытством.

Ему даже не пришлось выуживать подробности — стоило лишь слегка направить разговор на Сюдзи Цусиму, как Чуя сам разразился лавиной жалоб. Лицо мальчишки до того походило на физиономию его паршивого босса, что Накахара просто не мог сдерживать накопившуюся желчь.

Чуя замер, перестав вытирать волосы полотенцем, и на мгновение задумался.

—...

Мыслями он вернулся в ту ночь, когда решил примкнуть к мафии.

Тогда Осаму Дадзаи, уже занявший пост предводителя, предстал перед ним — преданным и брошенным Сирасэ. Дадзаи будничным тоном обрисовал незавидную участь «Овец», не оставив Чуе иного выбора, кроме как присягнуть на верность Портовой мафии.

Чуя презирал предавшего его Сирасэ, но куда сильнее он ненавидел Дадзаи, устроившего весь этот фарс — пусть даже тот и заставил его открыть глаза на истинное лицо вчерашних соратников.

Его лишили привычного прибежища, заставили влиться в ряды Портовой мафии и принудили стать исполнителем, чьё имя другие группировки произносили с содроганием, точно речь шла о стихийном бедствии.

Разумеется, поначалу он отчаянно бунтовал. Чуя противился всему, что было связано с мафией, изо всех сил стараясь казаться слепым, глухим и немым.

Однако Дадзаи лишь безразлично наблюдал за его потугами, словно за детскими капризами.

— Господин исполнительный директор Накахара, вы вполне можете попытаться меня прикончить.

Одной этой фразы хватило, чтобы весь гнев Чуи перенаправился на самого Дадзаи.

Именно тогда он громогласно объявил, что жизнь Осаму Дадзаи принадлежит исключительно ему. Впрочем, за всё это время он так ни разу и не перешёл от слов к делу.

Если подумать, в те дни Дадзаи хотя бы отдалённо напоминал живого человека — не то что теперь.

Будучи его подчинённым и телохранителем, Чуя порой улавливал в минуты чужого молчания едва заметные знаки: затаённое ожидание смерти, мимолётное разочарование при взгляде на него или же тоску по какому-то неведомому идеалу.

Уже тогда он понимал, что между Дадзаи, им самим и всем остальным миром высится глухая, невидимая стена. Вот только Чуя не знал, откуда она взялась и почему оказалась настолько нерушимой.

Хотя, казалось бы, весь путь Дадзаи в Портовой мафии лежал перед ним как на ладони — прямая, ровная линия, ведущая прямоком к вершине власти, опутанной паутиной интриг.

Время шло, Дадзаи незаметно превратил его в заезженную рабочую лошадку, но вместе с тем Чуя ловил себя на мысли, что этот непостижимый человек по-своему глубоко несчастен.

«Казалось бы, у него есть всё, о чём можно мечтать, а он так и ходит полуживым трупом».

В глазах Чуи Дадзаи достиг вершины успеха. Глава Портовой мафии обладал абсолютной властью и баснословным богатством. Захоти он чего-то ещё — стоило лишь бровью повести, и любой каприз исполнили бы незамедлительно.

Но нет, этот упрямец упорно истязал себя, ведя жизнь настоящего схимника. Он безвылазно торчал в кабинете днями и ночами, толком не ел, не спал и исхудал до такой степени, что превратился в обтянутый кожей скелет. Только безупречный костюм да суровое лицо хоть как-то спасали положение, внушая трепет окружающим.

И ради чего так надрываться? Чтобы однажды просто умереть от истощения и оставить Портовую мафию первому встречному?

Звучало как полнейший абсурд.

И пусть Чуя не горел любовью к навязанной ему доле, статус исполнителя обязывал его беспокоиться о том, как бы их драгоценный босс внезапно не протянул ноги прямо на рабочем месте.

«... Ему что, элементарной любви не хватает?»

Но стоило этой мысли промелькнуть в голове, как Чую передёрнуло, а по спине пробежал ледяной рой мурашек.

В его понимании Дадзаи никогда не был нормальным человеком — скорее уж лишённым чувств механизмом. Любая попытка связать этот бездушный автомат с тёплыми, живыми понятиями вроде любви, дружбы или преданности казалась пугающей и нелепой до безумия.

«Нет, бред какой-то. Быть такого не может».

Чуя раздражённо взъерошил мокрые волосы, отгоняя наваждение, швырнул полотенце на кресло и повёл Сюдзи в гостевую спальню. Заперев за ним дверь, он на всякий случай задействовал гравитацию и придвинул к ней тяжёлый комод.

С глаз долой — из сердца вон.

— Мир беспросветной тьмы... — пробормотал запертый в комнате Сюдзи.

Он сделал несколько шагов, развернулся и плашмя рухнул на мягкую кровать.

Один Дадзаи на грани изнурения пахал ради неясной цели, другой Накахара — столь же неистово впрягался в работу ради этого самого Дадзаи.

И ни один из них не выглядел хоть капельку счастливым.

— Значит, если бы я тогда выбрал тот путь, моя жизнь сложилась бы точно так же? — негромко произнёс Сюдзи в пустоту. — А что же остальные?

Увидев изнанку судьбы своего двойника, Сюдзи против воли принялся гадать, какая участь постигла других в этой реальности.

«Чуя... Он ведь изначально был лишь подопытным. Наверняка его просто использовали в своих интересах».

«Одасаку... Прежде он зарабатывал на жизнь убийствами. Но с его вечной простотой и мягкостью заказчики без труда могли вонзить ему нож в спину».

«Сестрица Акико... Её ведь забрали прямо с поля боя. С её эсперской способностью она была обречена стать мишенью для сильных мира сего».

«Ранпо... Под родительским крылом он бы вырос счастливым, но если рядом не оказалось никого, кто смог бы его понять... Он наверняка сходил с ума от одиночества».

В самом начале пути на руках у каждого из них были козыри, способные перевернуть мир, но судьба безжалостно заваливала их грудой мусорных карт. И финал у всех выходил один — трагический.

Теперь Сюдзи отчасти понимал, почему Дадзаи так иступлённо цеплялся за власть. Лишь взойдя на самый верх, можно было держать нити чужих судеб под неусыпным контролем.

Для подобных им прагматиков осязаемая сила всегда весила больше, чем зыбкие, эфемерные чувства.

—...

«Выходит, по сравнению с ним я — настоящий везунчик».

Сюдзи позволил себе раствориться в уюте обретённого дома, открыл душу перед близкими и шаг за шагом учился доверять.

Прекрасное начало, понимающая семья, благополучный путь... Теперь он смел надеяться и на счастливый конец — уйти из жизни глубоким стариком, мирно и без сожалений.

То, от чего любой Дадзаи в юности лишь презрительно отмахнулся бы, в итоге становилось его самой заветной, выстраданной мечтой.

Но коварное мироздание подкинуло переменные, грозившие разбить его хрупкое счастье вдребезги.

А раз так, ему плевать, сколькими жизнями в этом чужом мире придётся пожертвовать. Он вернётся невредимым и сотрёт помехи с лица земли.

Сюдзи крутил в голове обрывки головоломки, силясь докопаться до сути вещей, пока усталость наконец не взяла своё, погрузив разум в спасительное забытие.

Аль-Хайтам снял квартиру неподалёку от Вооружённого детективного агентства.

Жизнь по соседству с детективами была делом одновременно опасным и на редкость надёжным. С одной стороны, благородные сыщики всегда готовы прийти на выручку обывателю, с другой — прямо под окнами то и дело вспыхивали стычки с Портовой мафией.

Сакуносукэ Ода частенько заглядывал в местное кафе перекусить. Хозяин заведения посматривал на него с любопытством, да и сотрудники агентства частенько заходили туда на обед.

Со временем Ода с ними сблизился. Теперь он запросто здоровался и с величавым господином Ранпо, и с вечно хмурым Рюносукэ Акутагавой, и с педантичным Доппо Куникидой.

Более того, столкнувшись со своим местным двойником — здешним Одой, — он с удивлением обнаружил, что тот мучается теми же сомнениями, которые когда-то терзали и его самого. Ода охотно поделился житейским опытом, и они прекрасно побеседовали.

Нельзя сказать, что он не беспокоился о Сюдзи, но поисками занимались мастера своего дела, да и старшие вели себя на удивление спокойно. Предоставленный самому себе, Ода целыми днями просиживал за столиком, уставившись в чистые листы бумаги и витая в облаках.

Разумеется, его присутствие не укрылось от бдительных соглядатаев Портовой мафии, и вскоре доклад лёг на стол Осаму Дадзаи.

В отчёте значилось: замечен юноша, как две капли воды похожий на Сакуносукэ Оду, который увлечённо корпит над каким-то наброском.

Дадзаи мгновенно сопоставил факты. Этот таинственный писатель наверняка прибыл вместе с Сюдзи Цусимой и теперь искал его.

—...

Досадно.

И всё же безумно хотелось взглянуть.

На страницах «Книги» Дадзаи без конца созерцал своего единственного друга — того, кто указал ему путь во тьме. Но в реальности он страшился даже приблизиться к нему, боясь неловким жестом разрушить это хрупкое чудо.

Он слишком дорожил призрачным, выдуманным счастьем, превратив собственную душу в грудку битого стекла.

Вот только острые грани ранили лишь его самого, а для остальных он оставался грозным и

недостижимым боссом. Никто и помыслить не мог, что за этой маской скрывается напуганный ребёнок.

«Но ведь это Одасаку из другого мира... Если я просто мельком посмотрю, ничего страшного не случится?»

Дадзаи долго вертел в руках папку с отчётом, прежде чем принять решение, от которого у Чуи гарантированно подскочит давление. Но разгребать последствия — прямая обязанность подчинённых.

Такой шанс выпадает раз в жизни. Юный Одасаку, да ещё и с рукописью в руках — устоять перед искушением было выше его сил.

«Для прикрытия... Пожалуй, стоит одеться попроще».

Сбросив тяжёлое чёрное пальто и алый шарф, Дадзаи облачился в просторный бежевый плащ. В таком наряде он до боли напоминал своих никчёмных двойников из благополучных миров.

«Но я не уподоблюсь им».

Мысленно выругав иные воплощения себя, он приказал подать машину.

Яркие солнечные лучи больно ударили по глазам, отвыкшим от дневного света за годы затворничества в тёмном кабинете.

Дадзаи прищурился, оглядывая улицу — такую чужую и в то же время до боли знакомую. Сделав несколько нерешительных шагов, он замер.

Там, за панорамным окном уютного кафе, сидел Сакуносукэ Ода. Он склонился над столом, полностью поглощённый чтением рукописи.

— Фух...

Сердце Дадзаи предательски забилося.

<http://bllate.org/book/18256/1755691>